

ГОЛОС СЕРДЦА

Каждый раз, проходя мимо детской картинной галереи, я ловил себя на мысли, что в чем-то упрекаю себя. Я же по натуре путешественник. А истинного путешественника манят не только океанские просторы и оленьи тропы тундры. Музей — это тоже своего рода планета со своими просторами и тропами. А тем более музей детского творчества. Я, конечно, не раз захаживал в музей. Так сказать, приобщался к неповторимому миру детства, миру детей. У меня самого трое малышей, и они с утра до вечера только и знают, что рисуют. Успевай лишь покупать им альбомы. Успевай убирать за ними «шедевры». Но мне захотелось совершить настоящее путешествие по залам и заказникам музея. И для этого я выбрал специальное время, отложив все свои дела. Чуть ли не каждый день я приходил в Ереванскую детскую картинную галерею. Приходил по утрам и вечерам. В будни и выходные. Вначале мне было интересно смотреть на детские работы. Потом стало интересно прислушиваться к оценкам картин, высказываемым посетителями музея. А посетителей здесь много... Облюбовав тихий уютный уголок, я сел на свободный стульчик и делал записи в блокноте. Так и родились эти заметки, непосредственно в музее. В первой в мире детской картинной галерее.

У детского музея есть дата рождения: 13 марта 1970 года. А началось все с того, что появились энтузиасты, которые не просто любят детей (детей, в конце концов, все любят), но и видят в них своих полноправных современников.

В стране регулярно организуются детские выставки. Они длятся неделями, а то и месяцами. Потом закрываются. Работы, сделанные руками малышей, работы, которые еще накануне бережно приносили или даже привозили издалека, вставляли в рамки, вешали торжественно на стены, — вдруг эти самые работы становятся никому не нужными. В том числе и те, которые признаны талантливыми. Их складывают в альбомы, которые потом валяются в подвалах...

Могут возразить: мол, нельзя же после каждой выставки тот или иной зал превращать в музей. Так нам никаких помещений не хватит. Резонно. Мои дети, например, за день могут изрисовать по альбому каждый. Некоторые картинки мы вешаем на стены, которые, кстати, тоже изрисованы. Но нам и в голову не приходит «выставлять» все, что они выдают за день на-гора. Так же как никому в голову не приходит все, что рисуют взрослые художники, немедленно помещать в музеи страны. Однако музеи есть. И без них просто нельзя представить большого города. И вот так же невозможно себе представить сегодня Еревана без детской картинной галереи.

В день открытия галереи Мартирос Сарьян писал: «Дети — это зерна, прорастающие в будущее, а мы — пахари и садовники, выращивающие это грядущее. Это благородное дело, его нельзя делать без энтузиазма. Нам нужны энтузиасты. Очень нужны».

И такие энтузиасты были. Это кандидат искусствоведения Жанна Агамирян и ее муж, искусствовед Генрих Игитян. Супруги были инициаторами открытия галереи. А Жанна Агамирян стала первым директором первой в мире детской картинной галереи. У нее был не только опыт педагога-искусствоведа. У нее был опыт матери, которая привила своим детям любовь к прекрасному. Дети Жанны и Генриха, маленькие Рубен и Мариам, хорошо рисовали. Дома устраивались своеобразные выставки. И здесь же впервые зародилась идея создания галереи.

Всей своей жизнью, любовью к жизни, к детям Жанна напоминала больших поэтов. Она словно пришла к нам из будущего и ушла в будущее, оставив после себя на земле осуществленную мечту. Она погибла. Погибла вместе с малышам — Рубеном и Мариам...

Уже после смерти Жанны Агамирян в различных изданиях стали выходить ее работы по эстетическому воспитанию детей. «Эстетическое богатство детского красочного мира, — писала она, — трудно квалифицировать словесно. Оно раскрывается только визуально, поражая воображение взрослого человека каскадом неповторяющихся изображений. У нас есть острая необходимость сохранить детские рисунки, сделать их эстетическим достоянием общественного и школьного воспитания».

Такова была программа первого директора детской галереи, в которой организовано уже более ста пятидесяти выставок. Сегодня со всех концов страны и мира присылают в Ереванскую галерею детские работы на оценку компетентного жюри.

Фонды музея уже насчитывают более ста тысяч экспонатов. В книгах для посетителей около двухсот тысяч записей. В 1975 году часть работ пересекла океан, и в Бруклинском музее (США) открылась выставка «Рисуют дети Армении». А затем в Ереване организовали выставку «Рисуют дети Америки».

Сегодня руководит галереей Генрих Игитян. Жанна мечтала о создании в Ереване музея современного искусства. И музей такой ныне есть. Им тоже руководит Генрих Игитян. Жанна мечтала о создании республиканского центра эстетического воспитания детей и юношества. Этот комплекс включит в себя музей детского творчества, детскую филармонию, детский театр, экспериментальную студию декоративно-прикладного и художественного творчества. Программа комплекса составлена и разработана Генрихом Игитяном. Я попросил Генриха раскрыть, если можно так выразиться, суть строящегося республиканского центра.

— Комплексный детский театр. В нем будет семь направлений, семь жанров, семь режиссеров. Скажем, театры миниатюр, сказки, поэмы, драмы. Или вот детская филармония. Сюда войдут эстрада, национальный ансамбль, детская опера. При этом все по-взрослому, серьезно. Жанна часто повторяла, что дети, скажем, Средневековья, практически были лишены детства, ведь к ним относились как к «недоразвитому взрослому человеку». Если взять все то же рисование, то мы и сегодня порой наблюдаем, как родители, не имея педагогических навыков, ни особого дара наставника, начинают исправлять, а точнее — овзрослять детское творчество. Они делают все, чтобы уже в первых детских пробах исчезли с листа так называемые «нелепости», не подозревая, что именно этого и нельзя делать. Более того, именно в этих «нелепостях» обнаруживается самобытность малыша.

— Республиканский центр эстетического воспитания детей, насколько я понял, будет еще и выдавать свою продукцию. Например, экспериментальная студия декоративно-прикладного и художественного творчества...

— Да, дети не просто будут рисовать, так сказать, ради рисования. Например, силами эстетического центра — это уже намечено — будут оформлены все дошкольные детские учреждения республики.

— Бесплатно?

— Дети, конечно, будут творить бесплатно. Лучший способ вознаграждения — сам факт доверия. Но мы откроем счет в

банке. Деньги пойдут на расширение комплекса. Так, например, запланировано создание детского городка на окраине Еревана, где все будет сделано самими детьми. В своем городке они должны чувствовать себя хозяевами. Разумеется, государство наше в состоянии выделить столько средств, сколько нужно для городка. Но дети должны осознать, почувствовать, что способны создавать, а не только получать подарки. Скажу еще об одной детали. Когда-то, если вы помните, в наших гостиницах негде было укрыться от «Мишек в лесу». Теперь ударились в другую крайность — стены увешаны скучными, стандартными эстампами, обрамленными в нарочито простые, некрашенные багеты. А почему бы в номерах не повесить детские работы? И указать возраст автора. Гостям будет приятно...

Мы беседовали тихо, чтобы не мешать посетителям, которые гурьбой и поодиночке прохаживались по залам музея. После каждой встречи с Генрихом я делал записи в блокноте и вскоре обнаружил, что они приобретают характер диалога.

— Скажите, Генрих, не слишком ли расточительно: специальные школы, отдельные педагоги, дома пионеров, сотрудники музея — вся эта армия упорно возится с каждым ребенком в отдельности? Хотя, ясное дело, только единицы могут стать профессиональными художниками...

— Никто не ставит перед собой задачи из каждого ребенка сделать профессионального художника. Правда, есть другая цель — не потерять художника. Но главная цель, — так сказать, сверхзадача, — в другом: приобщить человека с детских лет к миру прекрасного. Жизнь показывает, что это приобщение оборачивается и нравственными приобретениями.

— Педагоги утверждают, что до двенадцати лет рисуют почти все. В рисунках дети выражают свой мир, свою философию, свой жизненный опыт. В одной из статей Жанны Агамирян я читал: «В годы Великой Отечественной войны организовывались выставки детского творчества. Дети воспевали военные подвиги советского солдата, изображали разрушенные фашистами дома, города, пожары. Даже в тех страшных условиях дети рисовали». Почему же зачастую даже талантливые дети, те, кого считали многообещающими, вдруг бросают рисовать?

— Вопрос не из легких. Думаю, дело в том, что взрослые довольно часто просто эксплуатируют детскую интуицию, на которой, собственно, основывается великолепное бесхитрое творчество маленького человека. И вот, восхищаясь, педагоги — повторяю, педагоги, а не родители — не прививают любви к ре-

меслу. А без ремесла ребенок бросает занятие. С годами он сам замечает, что «все лучшее» им уже сделано, что теперь он повторяется. И вот, не видя, не ощущая развития, бросает некогда любимое дело. В этом действительно виноваты мы, взрослые.

— В каком возрасте, по вашим наблюдениям, создаются лучшие работы? Когда наступает, что называется, пик?

— В девять лет.

— Чем это можно объяснить?

— Закономерностью. Когда ребенок еще не в состоянии выразить все словами, еще не научился писать и читать, он свой внутренний мир, свои переживания передает через рисунки. Ведь, если призадуматься, человечество на заре цивилизации, то есть когда оно, по сути дела, было ребенком, также пользовалось рисунками, наскальными изображениями. К десяти годам ребенок становится, как мы говорим, «многоязычным», то есть не только рисует, но и быстро пишет, бегло читает... И тут, если особого дара нет, один «язык» вытесняет другой. И конечно, в таких случаях нельзя насиловать природу, нельзя требовать от ребенка, чтобы он непременно рисовал столь же интенсивно, как раньше...

— Как долго висят работы детей в галерее?

— Галерея наша отличается исключительной мобильностью. Ее экспозиция постоянно обновляется. Хотя есть вещи, которые висят с первого дня.

— В последние дни я много читал о детском творчестве, об эстетическом воспитании. Нередко встречал тревожные мысли о том, что, скажем, выбирая картины ребят, определяя победителя, выделяя его тем самым из массы сверстников, вольно или невольно мы можем пробудить в ребенке тщеславие. Равно как у других, менее способных, может возникнуть зависть...

— Мысли эти известны мне и моим коллегам. Практика показывает, что чаще всего такой, мягко выражаясь, слабостью, как тщеславие, страдают не дети, а их родители.

— До нас дошло бесчисленное множество великолепных образцов народного искусства: хачкары, ковры, утварь, украшения, архитектурные сооружения — словом, все, что оправдывает определение Армении как музея под открытым небом. Однако не кажется ли вам, что сегодня мы, выискивая отдельные таланты, устраивая своего рода соревнования между ними, — я согласен, все это нужно! — меньше, чем следовало бы, думаем о народном творчестве в целом, о тех самых ремесленниках в высоком смысле слова?

— Убежден, наши соревнования и поиски так или иначе влияют на массовость творчества. Хотя я разделяю ваше беспокойство. Мы уже сегодня, к несчастью, растеряли многое из того, что так или иначе составляло основу народного творчества. Я имею в виду, например, традицию передавать из поколения в поколение секреты мастерства. У нас уже нет многих прежних великолепных мастеров, способных создать истинные шедевры. Главная цель эстетического центра — возродить наши традиции. И если раньше свой опыт передавал отец сыну, то теперь это будет делать школа, студия. Такова главная цель...

Я несколько дней ходил в детскую галерею как на работу. И теперь уже ловил себя на мысли, что грустно мне расставаться с ней, с ее красочным и звонким миром, с директором, который посвятил себя «главной цели».

Маркс писал, что у каждого человека есть определенная цель, которая по крайней мере ему самому кажется великой и действительно такова, если ее признает великой самое глубокое убеждение, проникновеннейший голос сердца.